

УДК 81'373.2:[811.161.1+811.111]

UDC 81'373.2:[811.161.1+811.111]

**СИНКРЕТИЗМ
В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ РУССКИХ
И АНГЛИЙСКИХ ПРЕДМЕТНЫХ
КОМПОЗИТОВ**

**SYNCRETISM IN
ONOMASIOLOGIC
STRUCTURE OF RUSSIA
AND ENGLISH SUBJECT
COMPOSITES**

М. М. Михалевич,
*преподаватель кафедры
иностранных языков
филологического факультета БГПУ*

M. Michalevic,
*Teacher of the Department
of Foreign Languages,
Philological Faculty, BSPU*

Поступила в редакцию 21.04.17.

Received on 21.04.17.

В статье рассматривается явление синкретизма в ономасиологической структуре предметных композитов английского и русского языков, описываются инструменты его выявления, анализируются наиболее типичные примеры, прослеживается связь между синкретизмом и эллиптичностью как характеристиками ономасиологического признака английских и русских композитных предметных наименований, а также затрагивается вопрос связи синкретизма значений отдельных семантических маркеров и метафорической мотивации. Показано, что синкретизм ономасиологических признаков характерен для обоих языков, в первую очередь для предметных композитов с детерминантным и объектным компонентами, однако более широко и разнообразно проявляется в ономасиологической структуре предметных композитов английского языка в силу типологических характеристик последнего. Синкретизм на ономасиологическом уровне номинации – одна из характеристик ономасиологической структуры при ее осложнении метафорической мотивацией как в английском, так и в русском языках.

Ключевые слова: семантический маркер, синкретизм, эллиптичность, ономасиологическая структура, ономасиологический признак, композитное наименование.

The author of the article considers the phenomenon of syncretism in onomasiological structure of compound nominations in the English and Russian languages, describes the tools of identifying it, analyses the most typical examples, draws the connection between syncretism and ellipticity as characteristics of the onomasiological mark of the English and Russian compound nominations, as well as touches upon the issue of connection between syncretism in the meanings of specific semantic marks and metaphorical motivation. Syncretism of onomasiological marks is characteristic of both languages, primarily typical for compound names of objects with circumstance and substance components, but it is more extensive and diverse in the English language due to the typological features of the latter. Syncretism on the onomatological level of nomination can be considered one of the features of an onomasiological structure imbued with metaphorical motivation both in the Russian and English languages.

Keywords: semantic mark, syncretism, ellipticity, onomasiological structure, onomasiological mark, compound nomination.

Термин «синкретизм» используется в различных гуманитарных науках: философии, культурологии, педагогике и психологии, лингвистике, однако понимание его сущности во всех этих областях знаний различно. Этимология термина восходит к буквальному значению греческого слова *συνκρητισμός* – ‘союз критских городов’ [1], хотя некоторые исследователи считают, что данное толкование скорее принадлежит сфере народной этимологии [2, с. 1106] и правильнее будет возводить объяснение к буквальному переводу латинского заимствования *syncretismus* – слияние, соединение.

В современной лингвистике под синкретизмом понимается, с одной стороны, «совпа-

дение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме», с другой – «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [3, с. 446], то есть диффузность, контаминация, гибридность как характеристики определенных образований. Различия между данными терминами, а также соотношение понятий «синкретизм» и «многозначность» подробно анализируются в статье С. В. Александровой [4], где затрагиваются прежде всего вопросы синтаксического синкретизма. В отношении пограничных явлений автор указывает на воз-

возможность определения синкретизма как «способности языковой единицы недискретно (нерасчлененно) выражать более одного значения в одном речевом употреблении» [4, с. 14].

Синкретизм свойственен всем уровням языка и речи [3, с. 446], хотя во всех реализуется различным образом. В данной работе мы остановимся на способах реализации синкретизма в ономасиологической структуре композитных предметных наименований (далее – КПН) в русском и английском языках. В статье использован материал базы данных, содержащей 3179 русских и 5239 английских КПН, извлеченных из лексикографических источников [5; 6] методом сплошной выборки.

Алгоритмические шаги ономасиологического анализа композитного наименования соотносятся с основными этапами возникновения последнего (анализ понятия, структуризация семантических маркеров, выбор семантических маркеров и соответствующих им морфем, оформление последних в единое целое в рамках новой лексической единицы), от объекта экстралингвистической действительности к его ноэтической категоризации и объективации в языке. Универсальным инструментом для определения первичной понятийной принадлежности семантических маркеров является развернутое номинативное суждение (далее – НС) – вербализованная схема возникновения имени [7, с. 37]. Возможность двойственной интерпретации ономасиологической структуры сложного слова, способность семантических маркеров соотноситься с несколькими ономасиологическими категориями подтверждается экспликацией с помощью различных НС для одного наименования. Это позволяет выявить синкретизм на собственно ономасиологическом и семантическом уровнях [8, с. 81–83] – синкретизм ономасиологических признаков (далее – ОП).

Результаты ономасиологического анализа с опорой на НС не всегда совпадают с данными традиционного словообразовательного анализа. Так, для русского композита *сквернослов* одинаково возможны НС *'тот, кто сквернословит'* (акциональный ОП как источник номинации) и *'тот, кто использует скверные слова'* (атрибутивно-объектный ОП), что позволяет говорить о синкретизме акционального, объектного и атрибутивного ОП. Композит *сладкоежка* (в отличие от варианта *сласноежка*) может быть интерпретирован как *'тот, кто ест сладкое'* (объектно-акциональный ОП), *'тот, кто любит сладкую еду'* (атрибутивно-объектный ОП) и даже как *'тот, кто ест сладко'* (детерминантно-акциональный ОП). Однако среди проанализированных предметных композитов русского языка шире всего распространены

примеры, иллюстрирующие синкретизм двух ономасиологических признаков: объектного и качественно-атрибутивного, детерминантного и нумерального или качественно-атрибутивного, атрибутивного и акционального и некоторых других сочетаний ОП.

Примером пересечения ономасиологических категорий предметности и признаковости, которое реализуется в синкретизме качественно-атрибутивного и объектного ОП, могут служить русские композиты *нововводитель*, *новооткрыватель*, *пустобай*, *пустобрёх*, *пустолайка*, *пустомеля*, *сухолюб*, *тяжеловоз*. В рамках НС семантический маркер, соответствующий первому компоненту, занимает позицию объекта: *X – это то, что (или тот, кто) выполняет действие А по отношению к объекту В*, но может быть выражен субстантивированным прилагательным: *нововводитель – 'тот, кто вводит новое'*, *новооткрыватель – 'тот, кто открывает новое'*, *пустомеля – 'тот, кто мелет пустое'* и т. п., либо эксплицирован в виде атрибутивного словосочетания: *сухолюб – 'то, что любит сухую [землю]'*, *тяжеловоз – 'тот, кто (или то, что) возит тяжёлые [грузы]'*, и т. п.

Как можно заметить по вышеприведенным примерам, синкретизм тесно связан с такой характеристикой ОП, как эллиптичность, которая обнаруживается при сравнении двух сходных по функции инструментов раскрытия ономасиологической структуры слова: семантической деконденсации (развертывания до словосочетания: *бомбоубежище – убежище от бомб*, *wheelchair – a chair with wheels*, *blueberry – a blue berry* и т. п.), которую не всегда возможно использовать, и номинативного суждения, которое можно использовать применительно ко всем композитам, за исключением представляющих собой свернутые этимологические истории либо метафорически мотивированных (к ним мы вернемся несколько позже). В процессе номинации сложного понятия может быть отобрано не более трех семантических маркеров, однако НС может включать больше компонентов, и их количество находится в прямой корреляции со степенью эллиптичности структуры. Наименьшей степенью эллиптичности характеризуется ономасиологическая структура наименования, которое можно подвергнуть семантической деконденсации без потери смысла.

Перевес одного или другого ОП в синкретичном первом компоненте может быть обусловлен не только позицией слова, которое используется для экспликации семантического маркера в рамках НС, но и его формальными характеристиками. Так, для экспликации семантического маркера, соотносимого с каче-

ственно-атрибутивным ОП, может использоваться относительное прилагательное (*железнодорожник – тот, кто работает на железной дороге, лжепророк – ложный пророк, перепончатокрылое – то, у чего перепончатые крылья*, и т. п.), выражающее опосредованную связь с объектом. Данные композиты классифицируются как наименования атрибутивно-объектного типа с точки зрения формальных средств экспликации ОП в рамках НС, однако несомненно, что первый компонент характеризуется синкретизмом атрибутивного и объектного ОП.

Особенно яркой иллюстрацией синкретизма ономазиологических признаков служат предметные композиты, в структуре которых представлен детерминантный ОП. Семантические маркеры данного ономазиологического признака, соотносимого с категорией обстоятельства, часто могут включать объектные, качественно-атрибутивные и нумеральные сопутствующие значения.

О синкретизме детерминантного и объектного ОП можно говорить в случае, если в структуре НС детерминантный признак эксплицируется в виде обстоятельства места или времени, выраженного предположно-падежной формой объекта (либо объектом с предложением в английском языке): *пескожил (вид червя) ‘тот, кто живет в песке’, луноход ‘то, что передвигается по Луне’, бортжурнал ‘журнал, который ведется на борту’; jail-break ‘a break (=an escape) from jail’; muzzle-loader ‘a firearm that is loaded (=receives its ammunition) through the muzzle’; picturegoer ‘one who goes to the pictures (=cinema)’; bottom-feeder ‘a fish that feeds at the bottom [of the river]’; dayflower ‘a plant with flowers which last only for one day (=wilt quickly)’ и т. п. Таким образом, детерминантный ОП выступает как место пересечения двух базовых ономазиологических категорий – предметности (с точки зрения формальных средств его возможной экспликации в рамках НС) и признаковости (поскольку обстоятельство соотносится с признаком действия). Первый компонент, который характеризуется двойной локативно-объектной либо темпорально-объектной отнесенностью, позволяет говорить о синкретизме детерминантного и объектного признаков у композитов *болотоход, верхогляд, верхолаз, звездолет, доморосток, домосед, канатоходец, круговорот, небожитель, ночесветка, центробежка (=центрифуга), home-schooler (a child who is schooled (=educated) at home), nightdress (a dress worn at night), nighthawk (a hawk that flies at night u a person who works at night), springhouse (a storehouse built over a spring)* и др.*

В отдельных случаях синкретизм объектного и детерминантного признака наблюдается также у предметных композитов детерминантно-акционального типа, в первом компоненте которых сочетаются объектное значение и значение образа действия: *стопоходящие ‘те, которые ходят, опираясь на стопы’, skin-diver ‘one who dives with bare skin (without a diving costume)’* и др.

У композитов, являющихся по своему происхождению субстантивированными сложными прилагательными, второй компонент в отдельных случаях характеризуется синкретизмом акционального, атрибутивного и объектного ОП: *частнопрактикующий ‘(тот, кто имеет частную практику’ и ‘тот, кто практикует частным образом’), тяжелораненый ‘(тот, у кого тяжелые раны’ и ‘тот, кого тяжело ранили’), черноработчий, острозаразный* и т. п. В английском языке синкретизм акционального, атрибутивного и объектного ОП встречается гораздо чаще, чем в русском, в силу широко распространенной межчастеречной омонимии: *crosspiece (поперечина, крестовина)* можно деконденсировать как *‘a beam situated across another’, ‘a beam that crosses another’* и *‘two beams which form a cross’, backbend (мостик – гимнастическое упражнение) – как ‘a bend backwards’* и *‘a bend of one’s back’* и т. п.

Можно предположить, что по этой же причине синкретизм акционального и объектного признаков типичен для второго компонента объектно-акциональных и детерминантно-акциональных предметных композитов английского языка, которые характеризуются отсутствием материально выраженного базиса: *armrest, framework, trestlework, facelift, waterfall, windbreak, woodprint, wordbreak, woolpack, backdrop, backslash, bypass, downpour, rareripe* и др.

Эллиптичность, диффузность и синкретичность атрибутивного и обстоятельственного значений характерны для ОП атрибутивно-объектных КПН, у которых первый компонент соотносится с семантическим маркером обстоятельства в НС. Если такое НС является единственно возможным для рассматриваемого наименования, последнее относится к детерминантно-объектному подтипу, представленному только в английском языке: *off-ramp ‘наклонный съезд с автомагистрали’, downbeat муз. ‘сильная доля такта’, in-tray ‘поток для входящих писем’, backbencher ‘рядовой член парламента’, downside ‘недостаток’, downpipe ‘сливная труба’, downstage ‘авансцена’, well-woman ‘женщина, заботящаяся о своем здоровье, любительница спа-комплексов’* и т. п. В русском языке такие предметные ком-

позиты не представлены, а синкретизм качественно-атрибутивного и детерминантного ОП чаще всего наблюдается в ономасиологической структуре КПН детерминантно-акционального типа.

Синкретизм качественно-атрибутивного и детерминантного ономасиологических признаков характерен для таких детерминантно-акциональных композитов русского языка, как *краснобай, кривотолк, легковер, общежитие, перекрестноопылитель, пешеход* ('*тот, кто ходит пешком*' и '*пеший человек*'), *праздношатайка, разнорабочий, священнодействие, священнослужитель, сладкопевец, хитро-сплетение* и т. п. Примеры аналогичной структуры присутствуют и в английском языке: *high(-)flier* (*успешный, честолюбивый человек*), *high-riser* (*высотное здание*), *high-stepper* (*высоко поднимающая ноги лошадь и человек с величавой походкой*), *loudspeaker* (*громкоговоритель*), *quickset* (*живая изгородь*) и т. п. Как в русском, так и в английском языке такие композиты могут характеризоваться большей или меньшей степенью эллиптичности ономасиологической структуры и различной ее прозрачностью: *новобрачный, новокрещенец, новопокупка, новосадка, новосел, новостройка, суховей, сухостой, сыроежка, чистописатель, ясновидец*.

Синкретизм качественно-атрибутивного и детерминантного ОП может быть характеристикой предметных композитов, в структуре которых выражаются темпоральные отношения: *quick-firer* '*скорострельное оружие*', '*the weapon that fires quickly*'; *тихоход* '*тот, кто тихо (=медленно) ходит*'; *долгожитель* '*тот, кто живет долго*', *борзописец* '*тот, кто борзо (=быстро) пишет*', *скоробогатей* '*тот, кто скоро богатеет (разбогател)*', *скороговорка* '*то, что скоро говорят*', *тугодум и тяжелодум* '*тот, кто туго (=медленно) думает*', '*тот, кому тяжело думать*', *скороморозилка, скороподъемник, скороспелка, скорострел, старожил* и т. п. В отдельных случаях вторичная качественно-атрибутивная мотивированность обусловлена локативными отношениями: *дикорос* '*то, что растет в дикой природе*'. При развертывании до НС такой детерминантный признак часто эксплицируется как обстоятельство образа действия с перцептивным (*громкоговоритель*) либо темпоральным (*скороспелка*) значением, выраженное качественным наречием либо предложно-падежным сочетанием, включающим качественное прилагательное. Особенно ярко качественно-атрибутивное значение проявляется в английских раздельно оформленных композитах детерминантно-акционального типа: *slow mover* '*неходовой товар*', '*the item*

that moves (=sells) slowly'; *late riser* '*one who rises late*' и т. п.

Ономасиологическая структура предметных композитов, в которой представлены отношения меры и степени, является примером синкретизма детерминантного ОП (в отдельных случаях – еще и качественно-атрибутивного) и нумерального ОП: *малоежка, маловер, всезнайка, малодойка, малознакомый, малоимущий, полудикарь, полуживой, полузащитник, полужайка, полупоклон, полуприцеп, полуулыбка, holdall* (*большая сумка*), *carryall* (*вместительная сумка*), *allheal* (*панацея*), *second-rater* (*посредственность, заурядная личность*) и т. п.

Синкретизм прямого и переносного значения слова, используемого для экспликации как минимум одного из семантических маркеров в рамках НС, характерен для ономасиологической структуры КПН, осложненной метафорической мотивацией. Явление метафорической мотивации подробно рассматривалось В. В. Лопатиным, который проводит последовательное различие между метафорической мотивацией, мотивацией устойчивым сочетанием и мотивацией переносным значением слова [9, с. 16–20]. В то же время нельзя не отметить, что сама необходимость проведения такого различия обусловлена тем, что метафоричность свойственна всем трем вышеперечисленным типам мотивации. Разница состоит лишь в том, на каком этапе номинации осуществляется метафорическое осложнение: на этапе структуризации семантических маркеров, то есть определения значимых семантических характеристик объекта (одна из этих характеристик соотносится с образной ситуацией, находящей выражение в собственно метафорической мотивации: *skyscraper* – *небоскреб*, '*that which scrapes the sky*', *bootlicker* – *подхалим*, '*one who licks the superior's boots*', *earth-grazer* – *околоземной астероид*, '*one that grazes the Earth*', *горихвостка* – *птица с хвостом ярко-красного цвета*, '*та, у которой «горит хвост»*', *лобогрейка* – *простейшая жатвенная машина, работа на которой требует большого физического напряжения*, '*то, что греет лоб*', *зубоскал* – *насмешник, шутник*, '*тот, кто скалит зубы*', *крохобор* – *мелочный, скупой человек*, '*тот, кто подбирает крохи*'), либо на этапе отбора семантических маркеров (для экспликации значимых свойств предмета используются семантические маркеры, являющиеся частями устойчивого выражения: *backbreaker* – *трудная задача*, '*that which breaks one's back*', *empty-nester* – *родитель взрослых детей, которые разъехались из отчего дома*, *от empty nest* – *букв. пустое гнездо*, *heartbreaker* – *сердцеед*, '*one who*

breaks others' hearts', пенкосниматель – тот, кто присваивает самое лучшее, наиболее выгодное, не вкладывая своего труда, 'тот, кто снимает пенки'; либо в рамках НС один из семантических маркеров эксплицируется в переносном значении: *полоумный* – 'тот, у кого полый ум', *слабоумный* или (перен.) *сумасбродный*, *взбалмошный* человек, *пустозвон* – болтун, 'тот, кто звонит о пустых вещах', *benchwarmer* – запасной игрок, букв. 'one who warms the bench', то есть «греет лавку»). Образная ситуация в первом случае возникает непосредственно в процессе номинации, во втором – уже зафиксирована в языке с помощью фразеологизмов либо устоявшихся переносных значений компонентов и включается в процесс номинации в готовом виде. Поэтому мы полагаем, что во всех вышеперечисленных случаях можно вести речь об *осложненности* ономаσιологической структуры композита метафорической мотивацией: как в тех случаях, когда метафоричность «унаследована» от мотивирующего сочетания или его части, так и в тех, когда образность прослеживается только в НС и не подкреплена словоупотреблением вне ситуации именованного.

В отличие от синкретизма ономаσιологических признаков, рассмотренного выше и обнаруживаемого с помощью множественных НС, полагаем, здесь мы имеем дело с синкретизмом на ономаσιологическом уровне (термин П. Штекауэра [8, с. 82]), результатом чего становится не только эллиптичность, но и сочетание прямого и переносного значений в одном или нескольких из семантических маркеров. Синкретизм такого плана может реализоваться несколькими способами:

1. В номинативном суждении содержится прямое сравнение. «Х назван так, поскольку имеет / является А (второй ОП), похожее на Б (первый ОП)»: *лирохвост* – птица с хвостом, похожим на лиру, *turtleneck* (водолазка) – свитер с воротом, напоминающим шею черепахи, *rattle-head* (пустоголовый человек) – человек с головой, похожей [по пустоте] на погремушку (*one who has a head like a rattle*), *eggplant* (баклажан) – плод, похожий на яйцо, и растение, приносящее данный плод, и т. п. Особенностью таких предметных композитов является эллиптичность составного ономаσιологического признака: в отличие от сложных прилагательных с компонентами *-like*, *-подобный*, *-образный*, сравнение раскрывается только с помощью НС.

2. Семантические маркеры в рамках НС эксплицируются с помощью фразеологического единства, имеющего под собой метафорическую основу, либо с помощью многозначных лексических единиц, одна или несколько из ко-

торых используются в переносном значении: *eye-opener* – шокирующее открытие, 'that which opens one's eyes' (ср. рус. раскрыть кому-либо глаза на что-либо), *face-saver* – шаг для спасения репутации, 'that which helps save one's face' (ср. рус. сохранить лицо), *fusspot* – человек, который суетится по пустякам, 'one who fusses unnecessarily, a pot that fusses' (по аналогии с кипящим чайником, ср. рус. кипятиться).

3. Семантические маркеры в рамках НС могут эксплицироваться как с помощью фразеологического единства, так и словосочетания, части которого характеризуются семантической самостоятельностью. Так, НС для композита *вертихвостка* имеет вид 'та, что вертит хвостом'. Сочетание слов «вертеть хвостом» может употребляться как в качестве фразеологизма со значением 'изворачиваться, хитрить' и 'вести себя легкомысленно, безнравственно', так и в прямом значении, вытекающем из семантики отдельных компонентов. В первом случае результатом номинации становится композит со значением 'легкомысленная женщина', во втором – название пресмыкающегося (полностью – *круглоголовка-вертихвостка*, *Phrynocephalus guttatus*), насекомого (*Staphylinus* R) [10, с. 146], в этом же ряду – название интерактивной детской игрушки в виде мячика с хвостом – *вертихвост*. НС для композита *backscratcher* имеет вид 'one who or that which scratches somebody's back', а сочетание *to scratch back* может употребляться как в прямом значении (тогда результатом номинации будут лексико-семантические варианты со значениями 'an implement with a long handle, used for scratching one's own back' – палка для чесания спины), так и в значении 'to do a favour for someone in return for a favour done for you' (результат номинации – разговорное слово со значением 'a person who provides a service, corporate or public money etc., for another, in order to receive a similar service or reward in return' – подхалим или чиновник, берущий «вознаграждение за свои услуги») и т. п.

Образность таких наименований способствует тому, что многие предметные композиты данной группы с метафорически осложненной структурой относятся к экспрессивной лексике [9, с. 17], в частности, среди них много эмоционально окрашенных наименований лиц, в то время как их лексико-семантические варианты, компоненты которых употреблены в прямом значении, часто представляют собой термины либо названия предметов живой или неживой природы. Однако есть примеры обратного соотношения. Так, композит *gender-bender* (НС: 'one who or that which bends its

gender, букв. 'то, что или тот, кто изменяет пол') имеет два значения: 1) человек с андрогинной внешностью либо внешностью, несвойственной своему полу, и 2) (*информ.*) адаптер «мама – мама» или «папа – папа». Как видим, метафоричностью характеризуется ономасиологическая структура именно технического термина.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что синкретизм является одной из значимых характеристик ономасиологической структуры предметных композитов как в английском, так и русском языках и тесно связан с эллиптичностью ономасиологического признака и много-

значностью семантических маркеров, используемых для его экспликации в рамках номинативного суждения. Синкретизм ОП характерен для обоих языков, в первую очередь для предметных композитов с детерминантным и объектным компонентами, однако более широко и разнообразно проявляется в ономасиологической структуре предметных композитов английского языка в силу типологических характеристик последнего. Синкретизм прямого и переносного значений – одна из характеристик ономасиологической структуры при ее осложнении метафорической мотивацией как в английском, так и в русском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Syncretism (n.d.) [Electronic resource]: Merriam-Webster.com. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/syncretism>. – Date of access: 10.03.2017.
2. Chambers Dictionary of Etymology / ed. by R. K. Barnhart. – New York : Chambers, 2002. – 1284 p. – P. 1106.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 2-е изд., дополн. – М. : Бол. Рос. Энцикл., 2002. – 712 с. – С. 446.
4. *Алексанова, С. А.* Синкретизм, контаминация, многозначность (etc.): о терминах / С. А. Алексанова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 8 (50), ч. 2. – С. 13–15.
5. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: свыше 136 000 словар. ст. : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1: А – О. – 1232 с. – Т. 2: П – Я. – 1088 с.
6. Collins English Dictionary. – UK 9th Ed. – Glasgow : HarperCollins Publ., 2007. – 1872 p.
7. *Трофимович, Т. Г.* Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности : монография. / Т. Г. Трофимович. – Минск : БГПУ, 2003. – 227 с.
8. *Štekauer, P.* Fundamental Principles of an Onomasiological Theory of Word-Formation in English / P. Štekauer // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity; odpov. red. Ivo Pospíšil. – Brno Studies in English. Vol. 25. – Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1999. – 182 s. – С. 75–98.
9. *Лопатин, В. В.* Метафорическая мотивация в русском словообразовании / В. В. Лопатин // Соврем. рус. яз. : хрестоматия. В 3 ч. / авт.-сост. : Т. Н. Вольтынец, В. Л. Леонович, И. С. Ровдо. – Минск : БГУ, 2005. – Ч. 2: Словообразование. Морфология. – 242 с. – С. 16–20.
10. *Линней, К.* Философия ботаники / К. Линней ; пер. с лат. Н. Н. Забинковой, С. В. Сапожникова, под ред. М. Э. Кирпичниковой, изд. подг. И. Е. Амлинский. – М. : Наука, 1989. – 451 с. – С. 149.

REFERENCES

1. Syncretism (n.d.) [Electronic resource]: Merriam-Webster.com. – Mode of access: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/syncretism>. – Date of access: 10.03.2017.
2. Chambers Dictionary of Etymology / ed. by R. K. Barnhart. – New York : Chambers, 2002. – 1284 p. – P. 1106.
3. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. V. N. Yartseva. – M., 1990. – 2-ye izd., dopoln. – M. : bol. Ros. Entsikl., 2002. – 712 s. – S. 446.
4. *Aleksanova, S. A.* Sinkretizm, kontaminatsiya, mnogoznachnost (etc.): o terminakh / S. A. Aleksanova // Filol. nauki. Vopr. teorii i praktiki. – 2015. – № 8 (50), ch. 2. – S. 13–15.
5. *Yefremova, T. F.* Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy: svyshe 136 000 svar. st. : v 2 t. / T. F. Yefremova. – M. : Rus. yaz., 2001. – T. 1: A – O. – 1232 s. – T. 2: P – Ya. – 1088 s.
6. Collins English Dictionary. – UK 9th Ed. – Glasgow : HarperCollins Publ., 2007. – 1872 p.
7. *Trofimovich, T. G.* Tipy predmetnykh naimenovaniy v yazyke starorusskoy delovoy pismennosti : monografiya / T. G. Trofimovich. – Minsk : BGPU, 2003. – 227 s.
8. *Štekauer, P.* Fundamental Principles of an Onomasiological Theory of Word-Formation in English / P. Štekauer // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity; odpov. red. Ivo Pospíšil. – Brno Studies in English. Vol. 25. – Brno: Masarykova univerzita v Brně, 1999. – 182 s. – С. 75–98.
9. *Lopatin, V. V.* Metaforicheskaya motivatsiya v russkom slovoobrazovanii / V. V. Lopatin // Sovrem. rus. yaz. : khrestomatiya. V 3 ch. / avt.-sost. : T. N. Volynets, V. L. Leonovich, I. S. Rovdo. – Minsk : BGU, 2005. – Ch. 2: Slovoobrazovaniye. Morfologiya. – 242 s. – S. 16–20.
10. *Linney, K.* Filosofiya botaniki / K. Linney ; per. s lat. N. N. Zabinovoy, S. V. Sapozhnikova, pod red. M. E. Kirpichnikova, izd. podg. I. Ye. Amlinskiy. – M. : Nauka, 1989. – 451 s. – S. 149.